

Владимир Арлов, Змитер Вишнёв, Вольга Гапеева, Виктор Жибуль, Мария Мартысевич, Андрей Хаданович. Белорусская поэзия: трудности перевода. *Перевод Павла Антипова, Светланы Буниной, Бориса Херсонского, Сухбата Афлатуни. Вступительная статья Андрея Хадановича*
Питер Балакян. Что сказала моя бабушка, когда шел дождь. *Стихотворения. Перевод с английского и вступительное слово Гургена Баренца*
Шота Иаташвили. Человек вышел на улицу. *Стихотворения. Перевод с грузинского Ильи Кукулина и Елены Зейферт*

БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Белорусы часто называют себя «нацией поэтов». Раньше это проносилось с безграничным самоуважением, в последнее время — с налетом иронии: дескать, кто умеет что-то делать — тот делает, кто не умеет — тот пишет стихи.

В самом деле, трудно преувеличить роль поэтов и поэзии в истории не только белорусской литературы, но и самой Беларуси: от Франтишека Богушевича, с легкой руки которого в XIX — начале XX вв. закрепилось само название «Беларусь», до начала XXI века, когда лирика по-прежнему остается самым популярным родом в нашей литературе.

Это вызывает определенные трудности, когда пропагандируешь свою литературу за рубежом, — даже у близких соседей. Живые классики, такие как Рыгор Борадулин или Владимир Некляев, в силу формальной виртуозности и полной погруженности в белорусский контекст, — на другие языки труднопереводимы. Или требуют переводчиков сопоставимого с ними таланта, а такие, к сожалению, далеко не каждый день берутся за переводы нашей поэзии. (Тем приятнее говорить об исключениях из этого правила. Переводы из белорусской поэзии Алексея Цветкова, Бориса Херсонского, Игоря Белова, Сухбата Афлатуни, Светланы Буниной, Павла Антипова, появившиеся в последнее время, заслуживают самых теплых слов.)

Первым белорусским поэтом, который добился успеха за рубежом (насколько в принципе может быть успешна современная поэзия), был Алесь Разанов, долгое время проживший в немецкоязычных странах. Книги его поэзии регулярно выходят в немецких переводах, а с недавнего времени — и в немецких оригиналах. (Сам автор называет свои стихотворения, написанные по-немецки, экспериментом. Белорусские патриоты волнуются и чуть ли не обвиняют поэта в предательстве. Немецкие читатели искренне радуются, поскольку выходит, как и всё у Разанова, блестяще.)

Вторым международным успехом можно считать стремительно развивающуюся поэтическую карьеру молодой поэтессы Вальжины Морт, которая последние годы живет в США, пишет по-белорусски и сама себя переводит на английский, участвует в многочисленных международных фестивалях, получает престижные литературные премии и преподает поэзию в Университете Балтимора.

Все авторы, собранные в настоящей подборке, живут в Беларуси, ориентируются прежде всего на белорусского читателя, но, вместе с тем, пришли к поэтике, делающей возможным адекватный поэтический перевод. Так, Владимир Арлов (1953 г.р.), не только поэт, но и новеллист, эссеист, популяризатор истории, один из самых читаемых и почитаемых у нас современных авторов, — в поэзии последовательный верлибрист. Его стихотворения сюжетны, прозрачны для понимания, в меру ироничны, а сам литератор не устает ходить и ездить на встречи с читателями, после которых, как правило, многочисленные фаны выстраиваются в очереди за автографами.

Змитер Вишинёв (1973), Виктор Жибуль (1978) и Вольга Гапеева (1982) дебютировали в 90-х годах в составе литературной группы «Бум-Бам-Лит». Первый прославился как перформер и неутомимый организатор литературно-художественных акций, второй — прежде всего своими (само)ироничными текстами в дадаистском ключе. Жибуль — неизменный победитель поэтических слэмов, которые активно проводятся у нас в последнее время. Мария Мартысевич (1982) дебютировала уже в нашем веке, сначала как переводчица и эссеистка, и только потом как поэтесса. Ее первая книга «Драконы летят на нерест», вышедшая в 2008-м, «эссеистика в стихах и прозе», видится автору этих строк одним из самых ярких событий в белорусской литературе последних лет.

В настоящей подборке представлены самые полярные тенденции, существующие в современной белорусской поэзии (трудно, например, представить себе двух более непохожих друг на друга авторов, чем Вишинёв и Мартысевич). Одни, как Жибуль, прекрасно чувствуют себя на сцене, не боятся работать с самой широкой и самой «неподготовленной» аудиторией, другие, как Вольга Гапеева, выигрывают при камерных чтениях. Одни пишут свободным стихом (впрочем, могут иногда, как Владимир Арлов, блестяще

рифмовать), другие тяготеют к рифме (но при этом практически отказываются от силлабо-тоники в пользу более сложной ритмической организации текста). Объединяет всех перечисленных последовательный нонконформизм — как в политическом, так и прежде всего в эстетическом смысле, неизбежный для современного автора риск, позволяющий превращать в поэзию всё, что еще вчера (до его появления!) считалось непоэтичным.

Андрей ХАДАНОВИЧ

Владимир Арлов

ПОПЫТКА ЗАКОНЧЕННОЙ БИОГРАФИИ

Пришел на свет
в год Змеи
по восточному календарю
и в год смерти Сталина
по календарю советскому,
под знаком Девы,
в роддоме
напротив Софийского собора
в Полоцке;
был тайно крещен
православным попом,
которому вцепился в бороду
и не отпускал,
пока не показали
сахарного петушка на палочке;
вооружившись свечкой
и клубком бабушкиных ниток,
в неполные семь лет
отправился на поиски подземных ходов,
что во времена Стефана Батория

соединяли городские монастыри
и храмы;
с тех пор
так и брожу
по замурованным лабиринтам,
ища
Полоцкую летопись,
крест Ефросиньи
и сомнительную славу;
умру летом,
когда исполнится
тысяча лет
князю Всеславу Чародею,
буду похоронен
на полоцком кладбище
святого Ксаверия
по греко-католическому обряду;
на теплую землю положат
букетик васильков
и три гвоздики
известных цветов;
в белорусском тексте
на памятнике
по национальной традиции
будет сделана
орфографическая ошибка.

КОЛОДЕЦ

Склоняюсь над колодцем,
чтоб увидеть себя.

Смотрит на меня
из глубины
то светловолосый мальчик,
то седобородый старик,

а иногда
нет отражения,
будто не склонялся никто
над колодцем.

Неужели это я — мальчик?
Неужели это я — старик?
Неужели это я —
отсутствие отражения?

УЧИЛА БАБУШКА

Не спи, когда солнце садится,
а то заснешь вместе с ним,
а утром не проснешься.
Не смотришь в зеркало в полночь,
а то растаешь в нем,
как крупица соли
в колодце.
Не люби красных девок во ржи
и в цветах не люби,
сколько колосков сломаешь —
столько людей
от голоду умрет,
а сколько цветов завянет —
столько детей
на свет не родится.

Давно сжата рожь,
и луг мой
скошен.
Солнце садится.
Тонет в дубовой раме
бабушкино зеркало.

КОМНАТА

Прохожие
идут сквозь нашу комнату
и удаляются,
делая желание еще острее.
Голоса города
умолкают
один за одним
в наших телах.
Музыка
умолкает последней —
на губах
и кончиках пальцев.

Свет
Рождается из тихого вскрика
и смеха.
Дыхание
обнаруживает персиковый пушок
на щеке.
Музыка
пробуждается
в анфиладах горячих простыней.

Новая родинка
появляется
на худеньком плече.

ПУТНИКИ

Трое мужчин
идут мимо меня
по чистому снегу —
три цепочки следов
тянутся за ними.
Трое моих друзей
идут по нетронутой белизне,
и три цепочки следов
обрываются.
Сначала за одним,
потом за вторым,
потом за третьим.
Трое моих друзей
идут по снегу,
не оставляя следов.
Почему за вами нет следов? —
испуганно кричу я.
Я молчал,
когда нужно было говорить,
отвечает первый.
Я говорил,
когда нужно было молчать,
отвечает второй.
А ты, мой лучший друг,
почему ты не оглянулся?
Он глухой,
отвечает первый.
Он немой,
отвечает второй.
Трое путников
идут мимо меня
по чистому снегу.

Перевод Павла АНТИПОВА

З м и т е р В и ш н ё в

•
выговариваю слова
выкрикиваю слова
шепчу слова
ползу со словами
и когда я весь в грязи
я выкладываю на стол свою душу
под грохотом и черным вином
в кубке плещется тишина

•
(САДИСТСКИЕ СНЫ)

Вигвамы плывут. Корабельные сосны
Шатаются. Я не смотрю на берег.
Меня ждет счастье. В виде стола, где
Красная рыбина возлежит. Очи ее
Золотые. Живая ли? Под черное пиво
Разгрызть желанную.
А на зубах
Будет вкус моря.

•
в водосточных трубах моего дома живут мангусты
бегают и трещат как звонкие кочаны капусты
а пойманные визжат от страха
от строчек моих отравных
прячутся в темных травах
и в руках оставляют только свою полосатую шкуру
по водосточным трубам бегают толпы мангустов
они врываются в сад мой срывают сладкую сакуру

РОМАНТИЧНЫЙ КИЛЛЕР
(КАМЕРА ВЫСВЕЧИВАЕТ ЧЕТЫРЕ СЦЕНЫ)

1.

я — человек-пистолет!
 девушка № 1 — это привет
 от меня
 твои холмики и леса
 набегают на меня из темноты
 рвут пакеты тишины на куски
 волосы твои
 горной рекой
 запах жасмина

вдоль берегов наблюдаю танцы пингвинов

2.

я — человек-пистолет!
 девушка № 2 — это моя страда
 это — моя строфа
 беру комбайн
 сбрываю поцелуи
 твои пещеры пульсируют
 солнечные столбы сносит разбойный ветер
 тут верно

в зеркалах колосится клубника

3.

я — человек-пистолет!
 девушка № 3 — не пугайся
 готовь бронепоезд
 будет истошный крик
 разворачивай клетку
 склеим тебе золотую каретку

ты — маленькая — как зайчик
 тряпичный зверек

слововерченье в глазных разрезах

4.

я — человек-пистолет!
 и когда я встречу девушку № 4
 вот тогда уже мне не встретить девушки № 5

кричу кричу кричу кричу
 про ветер, что растревлял повседневные беды
 на ногах — медные кеды

Перевод Светланы БУНИНОЙ

Волга Гашеева

•
 тишина на рассвете придет бинтовать мое сердце
 рыжею лентой
 из кудрей ангелов
 что спят временами в трамваях
 и пригрезив яблоко раздора
 скорей выбегают и несутся навстречу
 сами не зная кому и зачем бы

в поле за ветром гнаться
 вот мое дело
 мчаться и падать

•
 застынет лето каплей меда
 над тою родинкой что справа
 возле нее словно оправа
 морщинкой обернусь и я
 каштану твердому земля
 раскроет губы как дитяти
 чтобы в себе надежней спрятать
 до лучшего календаря

Перевод Светланы БУНИНОЙ

Виктор Шибуб

ИГРУШКА

Когда все уснут
 я встану
 открою шкаф
 дотянусь до верхней полки
 там лежит Мир
 взрослые прячут его от меня
 не разрешают трогать
 боятся
 чтоб я не испортил его
 а он меня
 А я тихонечко сниму его
 переверну вверх ногами
 возьму отверточку
 повыкручиваю маленькие болтики
 открою его для себя
 посмотрю
 интересно что там внутри
 как оно всё устроено

с любопытством поковыряюсь
 Только не бойтесь
 я осторожно
 я даже руки помыл
 я немножко поиграюсь
 а потом верну всё как было
 и положу на место

•
 Я хотел убить в себе
 большого грешника.
 Но дал маху —
 не смог его увидеть.

Ну и темно же
 там,
 во мне...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В первую годовщину освобождения Сатурна
 от марсианской оккупации
 сатурниане дали один залп салюта,
 во вторую годовщину — два,
 в третью — три,
 в десятую — десять
 с интервалом в одну минуту.
 На празднование четырехсотлетия
 сатурнианские пушки
 салютовали почти всю ночь,
 но за столько лет
 сатурниане уже привыкли
 спать под пушечные залпы.

...Вот уже 1440 лет
 сатурниане с марсианами

живут в мире и согласии,
и каждую минуту — салют,
и каждую минуту — праздник.

Перевод Павла АНТИПОВА

М а р ш а М а р т ы с е в и ч

•
Плохо, когда миротворец стреляет в воздух,
Хорошо, когда миротворец добывает мир
Прямо из воздуха — полную голубую каску
Для простых верующих и клира.

Ибо если миротворец впрямь добывает мир,
От чудотворца можно ждать совершения чуда.
Все по плану: плачет Божия Матерь,
Целует Иуда, улыбается Будда.

(ЭТО РАЙ)

Всегда одевайся, как будто сегодня — проход
через бесстрастный фейс-контроль у Райских врат.
Вдруг внезапно — всё, а у тебя несоответствующий дресс-код,
Внезапно — финал, а ты одет не по моде, брат.

Потому что, Бьорк на склоне вулкана, говоря откровенно,
Неподходящий пример обитательницы настоящего Рая,
Скорей, за такое положены муки в секонд-хенде геенны,
Хэппи энда такого, мой враг, и тебе не желаю.

Ибо, знаешь, главный миг, когда преступаешь предел и
Душа обнаженная дрожит в преддверии Наднебесья,
А Петр на весах Добра и Зла взвешивает одежду
и побрякушки твои,
И чаши весов колеблются, никак не придут в равновесье.

•

поэту Андрею Адамовичу

Как утверждают глянцевого журналы, друг,
делать маникюр должны кассирши, также —
играющие на лютне,
все, кто зарабатывает движениями рук,
ибо пальцы они демонстрируют ежеминутно.

— хирург, когда сердце больное кладет на ладонь,
— сантехник, когда сантехнике щупает трубы,
— барменша, когда наливает нам «Оболонь».

Тебе заглядывают в рот.
Не кусай на морозе губы.

SWEET HOME

Вошел? Ну, давай, пробирайся тишком, гость неразутый.
Под краном присыпано порошком: кто-то возился с мазутом.

Вот ведро красное, в нем тряпка сухая,
на подоконнике астра стоит, высыхая.

Вот и фарфор в буфете, ванна подряпана сбоку.
Вот радиодатчик. Машина во дворе, неподалеку.

Вот меховая игрушка, медведь неизвестной породы.
Доллары — в черном носке: выдвинь ящик комода.

Вот зарубежный паспорт, в нем стоит мультивиза.
Вот монитор, накрытый салфеткой, как телевизор.

Вот телевизор в кухне, вот телевизор в зале,
проходи, мы еще не все тебе показали.

Вот бронзовая люстра с остатками позолоты.
Вот кроссовки и туфли, башмаки, камелоты.

Вот ковер на стене, второй лежит на полу,
Вот диван, на котором мы проваливаемся во мглу.

Вот и часы-олень, на них — двенадцатый час.
А вот непроглядная тьма, что поглотила нас.

Во тьме вражду и отчаяние находи, Бога ради:
Вот же они, рядышком, их и кради.

Перевод Бориса ХЕРСОНСКОГО

А н д р е й Х а г а н о в и ч

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Он верил в Деда Мороза, она — в похищение Европы,
его родители — в коммунизм, ее — в гороскопы.
Он — февральская Рыба, она — июльский Рак,
ее предки терпели его на первых порах.

Они были яйцеголовой элитой:
папа — юрист, мама — просто мегера.
Кавалеру их дочери было восемь лет с половиной.
Все его звали Гоша, она называла — Гера.

Она была вундеркинд, знала какие-то крохи
латинского. «Carpe diem, Гера! Переведешь из Горация?»
Он оципал отрывной календарь. После стоял на горохе:
отец тогда не попал на поезд, а рука у отца горячая.

Через десять лет он встретил ее: пляжный сезон, Юрмала.
Увидел — бросился в море. Она от него юркнула.
Она кричала: «Тону!», а он: «Не утонешь, пончик!» —
и переводил ее с волны на волну, как опытный переводчик.

Она ему: «Што ты робіш?», он в ответ: «То и делаю!» —
и целовал ее в Балтийское море, все как положено.
Потом шутил, что выше ее на целую
голову. А она ему: «Голову? Ты ж на нее — отмороженный!»

Ее отец сказал ему: «Сам уйдешь — или гнать пинками?»
А он в ответ: «Carpe diem! Это Гораций Флакк.
Вы шьете мне дело стежками, я вам — стихами».
И хлопнул дверью — так, что сломал косяк.

Ее мать рыдала на кухне, обрабатывая дочку,
восемь часов подряд, не убавляя звук:
«Доча, если хочешь учиться на переводчика,
учись, только запомни, Гера — твой ложный друг!

Хочешь на переводчика — меньше всякой поэзии!
Хочешь в Лингвистический — дружи с головой!»

Ночью ей приснилось, что голову ему отрезали,
и она с ней общалась, как будто с живой,
любовалась улыбкой с беларусьфильмовским прикусом,
и закопала в горшке с маминым фикусом.

Один назовет это сказкой или мистикой,
другой скажет: «Мир — театр, что начинается с вешалки».
Сегодня она работает высокооплачиваемой синхронисткой.
Он сидит у нее на шее и переводит стихи.

ОБМЕН ВАЛЮТЫ

Мне б хороший обменник, я бы
поменял на август — ноябрь,

поменял на банкноты — годы,
чтобы вновь — молодым и свободным,

чтобы снова с тобой кольцом
обменяться с глупым лицом,

чтобы «мир и любовь» в каждом тосте,
чтобы живы — все наши гости.

По какому сегодня курсу?
Только девушка снова не в курсе...

Перевод Сухбата АФЛАТУНИ